

КАК ВЕРНУТЬ МОЛОДЁЖИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В УСЛОВИЯХ СВОБОДЫ, ГРАНИЧАЩЕЙ С БЕСПРЕДЕЛОМ¹

Наша когда-то единая страна всегда была интересна миру только тогда, когда она предлагала своё непохожее *вселенское, всеединое, соборное, общее Дело и мировоззрение*, на которых и выстраивала свою воспитательную стратегию, основанную на *мессианстве, жертвенности и справедливости*. А затем предлагала её миру. Тогда она была мировым лидером. Как только она занимала подражательную позицию, она становилась скучным аутсайдером. В докладе на 20-м Всемирном русском народном соборе Святейший Патриарх заметил, что «следует помнить и о том, что слепое перенесение на русскую почву чуждых мировоззренческих моделей и политических образцов, без учёта национальной специфики и духовно-культурного контекста, нередко, а лучше сказать, почти всегда приводило к масштабным потрясениям и трагедиям, как это случилось в нашей стране в начале и в конце минувшего столетия»².

---

¹ При участии доктора социологических наук Т.А. Хагурова. Лекция прочитана в г. Караганде на 19-х Севастиановских епархиальных чтения 23 сентября 2018 года.

² Кирилл, патриарх. Россия и Запад: диалог народов в поисках ответов на цивилизационные вызовы. Доклад на 20-м Всемирном русском народном соборе // <http://www.patriarchia.ru/db/text/4656175.html>.

Мои обе бабушки, жившие на Украине, вышли замуж в 16 лет. Одна была 1913 года рождения, другая — 1914-го. Своих первенцев они родили в разгар голода. И никому в голову не приходило называть их малолетками. Они с полной ответственностью несли тяготы голода, а потом и немецкой оккупации с малолетними детьми.

Что же происходит с сегодняшней молодёжью? Почему уровень её инфантильности часто удивляет и ужасает? Попробуем разобраться в этом сегодня.

Часть первая Условия нормального взросления как накопления ответственности

Инфантилизация подростков продолжается уже два поколения, первое из которых уже вступило во взрослую жизнь. Проблема отсутствия ответственности принимает угрожающие масштабы. А психологи и классные руководители всё по-прежнему пытаются решить лечить эти социальные болезни дедовскими методами, большинство из которых попросту не работает. Попробуем разобраться в сути этой проблемы.

Человек, развиваясь, проходя ступени онтогенеза, поэтапно приобретает новые качества. Переходы со ступени на ступень сопровождаются кризисами, то есть состояниями дискомфорта от ощущения несоответствия своих новых возможностей и старого фактического положения.

Говоря о понятии возраста, мы вполне соглашаемся с В.П. Зинченко в том, что «духовный возраст не совпадает с биологическим»³ и, соответственно, разделяем его на биологический или физиологический (объективный) и духовный (субъективный). Причём каждый описывается принципиально разными законами (в том числе и времени — объективного и субъективно воспринимаемого). Объективный возраст и объективное взросление во многом независимы от субъективного. В 15(±3) лет, независимо от того есть у подростка совесть или нет, есть ум (или он безумен), есть воля (или он безволен), будут расти усы и появятся иные вторичные половые признаки. Но вспомним Н.А. Некрасова («Ведёт под уздцы мужичок. <...> Шестой миновал!»), и согласимся, что можно в шесть лет быть «мужичком», а можно в сорок остаться «маменькиным сыночком». И если нормой объективного (телесного) возраста есть среднестатистические показатели (зубы у ребёнка начинают расти в 6±3 месяцев), то нормой субъективного возраста является «не то среднее, что есть, а то *лучшее*, что возможно в конкретном возрасте для конкретного ребёнка при соответствующих условиях»⁴.

Всякое нормальное общество иерархично. В идеальном смысле, всякая новая ступень онтогенеза человека должна обозначать переход индиви-

³ Зинченко В.П. Алексей Алексеевич Ухтомский и психология // Вопросы психологии. — 2000. — № 4. — С. 80.

⁴ Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология развития человека. — М.: Школьная пресса, 2000. — С. 24.

да на новую ступень общественной иерархии. Для этого в нормальных иерархичных обществах существуют механизмы регуляции подобных переходов со ступени на ступень, то есть механизмы взросления. *Взросление есть процесс обретения функциональных органов души, причём этот процесс отмечается особыми метками (инициациями) взросления.* Известно, что нормально развитое, иерархическое общество не знает проблемы «непризнанных гениев». Потому что всякое достижение человека общество способно адекватно поощрить, а человек понимает, что, если общество ещё не отметило его «достижения», значит, они не являются таковыми и нужно ещё поработать над собой. Каждый член общества должен уметь давать адекватную оценку себе и своим действиям. Но при этом ни школой, ни обществом «не предлагаются метки возраста, ритуалы перехода на новую ступень. Когда-то эту роль выполняли детские политические организации. С их исчезновением ситуация стала ещё проще — вакуум возрастных отношений приводит к появлению внекультурных меток, таких как курение, физическая сила, асоциальное поведение. Отсутствие системы меток взросления и, вообще, знаково-символьной реальности, санкционированной обществом, не упраздняет необходимости их наличия. Если общество не реагирует адекватно на это требование, то, как необходимость, формируется маргинальная, несанкционированная обществом система меток взросления. Это система акультурных меток

взросления. Она призвана к тому, чтобы возвещать обществу, лишившему своих членов нормальной иерархии, о том, что его члены, не взирая ни на что, продолжают проходить положенные им стадии онтогенеза. В качестве примера приведём «инициацию», описанную студентом на семинаре, посвящённом этому вопросу. Суть этого псевдопосвящения заключалась в том, что для того, чтобы быть принятым в молодёжную компанию, испытуемый обязан был горячей сигаретой прожечь насквозь денежную купюру, лежащую на тыльной стороне ладони, не подавая вида от претерпеваемой боли. Этот пример один из самых безобидных. Как правило, система акультурных меток обуславливается только физиологическим возрастом индивида. Тогда как система культурных меток предъявляет кандидату чёткие и довольно жёсткие «требования» соответствия физиологического и духовного возрастов.

Под социальным взрослением понимается процесс *накопления* подростком *социальной ответственности* (за себя, за другого, за общество, за Отечество). В норме социальное взросление происходит при наличии значимого взрослого — «родного и/или близкого человека, оказывающего существенное, определяющее влияние на условие развития и образ жизни ребёнка: родителя, опекуна, учителя, наставника»⁵. В норме подросток нормально взрослеет, если между значимым взрослым и подростком «неслиянно и нераздельно» возни-

⁵ Шувалов А.В. Антропологическая модель психологического здоровья. — Калуга: КГПУ, 2006. — С. 36

кает *со-бытийная детско-взрослая общность* (термин В.И. Слободчикова), характеризующаяся отношениями взаимной любви, заботы и доверия. Со стороны взрослого она характеризуется *высоким уровнем ответственности* за младшего, со стороны подростка — *послушанием* старшему. При этом, старший, проявляя любовь, заботу, доверие и ответственность, обладает для подростка *авторитетом* — властью старшего, принимаемой подростком добровольно и с радостью, ибо эта власть не может причинить ему вреда. В норме взросление младшего происходит путём постепенной передачи ответственности от старшего к нему. Это взросление сопровождается инициациями (метками взросления) со стороны взрослого, предполагающими признание новых прав младшего, обретшего новый уровень ответственности.

Оптимально, если процесс взросления подростка происходит в семье, в которой есть условно говоря *нормальные* значимые взрослые. Абсолютное большинство сбоев нормального взросления ребёнка происходит либо по причине отсутствия значимого взрослого (детское одиночество, чаще всего при живых родителях), либо по причине «ненормальности» этого значимого взрослого. Нет плохих и/или трудных от природы детей, есть взрослые, которые допустили (намеренно или ненамеренно), чтобы они стали такими. И в своём большинстве социальная коррекция и профилактика требуется не детям. «Лечить» необходимо сбои детско-взрослой

со-бытийной общности, в которой чаще всего утрачиваются эти самые понятные человеческие отношения любви, заботы и доверия.

Не будем забывать о том, что сегодня зачастую у подростка значимого взрослого просто нет. Тогда эта ситуация требует компенсации отсутствия родного значимого взрослого неродным (чужим, но не чуждым) взрослым. «Найти корешка» — формулировал задачу А.С. Макаренко в своей колонии. Поскольку это становится распространённым, а Макаренко для всех не найдёшь, есть простой и эффективный педагогический путь — создание *разноуровневой* (и даже разновозрастной) *педагогической среды*.

Разноуровневость — это необходимое условие для заботы, для даяния, для «доминанты на другого». Это сродни разности электрических потенциалов в физике, необходимой для возникновения электрического тока. Забота — это ток даяния, внимания к другому, который естественным образом возникает в *разноуровневой среде*, где есть нуждающиеся в помощи. Разновозрастная среда изначально внутренне не конкурентна, не отчуждающа, не соревновательна, а соборна, ибо в ней *собраны* воедино разные по возрасту, по уровню и по интересам люди, готовые к взаимной помощи и заботе. В школах и детских садах, где реализована возможность разновозрастного (или межвозрастного) обучения наблюдается более высокий уровень доверительных отношений.

Часть вторая Война с детством

Детство — это не просто возрастные периоды жизни человека. Детство — это ещё и социокультурное явление. Существует очень тонкая и специфичная *культура детства*, особым образом вписанная в культуру того или иного общества. Культурное обособление детства происходит не сразу: в традиционных народных культурах детства — это часть общей культуры, а ребёнок рассматривается как маленький взрослый. Как в уже упоминаемом стихотворении Н.А. Некрасова — «мужичок с ноготок». Кстати, это стихотворение умиляет именно потому, что читатель уже знаком с культурой детства. Для традиционного народного сознания здесь нет ничего удивительного или умильного.

Важнейшим шагом в обособлении детства в особый культурный мир стал евангельский эпизод о детях и Христе: «Пустите детей приходиться ко Мне, ибо таковых есть Царствие Небесное» (Матф. 19; 13–15). Подчёркнутая Евангелием чистота детства стала первым признаком особости детства по сравнению с миром взрослым. В дальнейшем по мере развития религиозно-общественных отношений к человеку произошло складывание особой культуры детства, заимствованной впоследствии и другими культурами. Складывание, которое завершается, по-видимому, лишь в начале XX века совершенно особой советской детской культурной политикой.

Что же представляет собой эта особая культура детства? Её основу со-

ставили пять ключевых элементов, пять базовых принципов.

Первый элемент, наиболее древний, имеющий дохристианские корни, — это *детско-родительские отношения*. Как известно, пятая заповедь гласила: «Почитай отца и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле» (Исх. 20:12). К таким традиционным отношениям почтения и послушания христианство добавило идею любви. Подчеркнём, именно идею. Чувства, конечно, существовали всегда, но именно христианство *сделало любовь между родителями и детьми культурным принципом*. Таким образом иерархические отношения детей и родителей, основанные на послушании, почтении, заботе и любви, стали первым камнем в фундаменте особого мира детства.

Второй ключевой элемент — это та самая, постулируемая Евангелием *чистота детства*. Чистота, требующая особой защиты от грязи и страха. Целомудренность, ограждение Детства от грязи. Грязи разной — порока, разврата, смерти, насилия как фундаментальных источников хаоса и страданий в человеческой жизни.

Третий элемент — специально создаваемый взрослыми *детский нарратив* (сказки, рассказы для детей), выраженный различными языками (литература, мультики, фильмы, театр). Это, как ни странно, достаточно позднее изобретение христианской культуры. Сказки существовали с незапамятных времён, но они были ориентированы не только и не столько на детей, сколько на взрослых. Традиционные сказки без литературной обработки

способны подчас шокировать не то что ребёнка, но и современного взрослого, привыкшего к сказкам литературным. Специальный детский нарратив начинается именно с литературных сказок: великих произведений братьев Гримм, Ш. Перро, особенно (!) Г.Х. Андерсена. Начиная с Н.М. Карамзина, Антония Погорельского и (особенно!) А.С. Пушкина возникает удивительная традиция русской литературной сказки, продолженной Л.Н. Толстым, Н.С. Лесковым, В.Г. Короленко, А.Н. Толстым и др. Особое звучание эта традиции получает в советскую эпоху — сказки Е.Л. Шварца и сказы П.П. Бажова, появление детского сказочного кино, театра (который существовал и ранее, но в совсем других, неизмеримо меньших масштабах) и телевидения. Сказка, как мы уже писали, несёт в себе не столько развлечение, сколько вполне серьёзную встречу с трансцендентным, с иным, высшим измерением бытия, с Тайной, Добром, Чудом. Детская сказка всегда целомудренна и чиста и призвана эту чистоту и целомудрие воспитывать.

Другая основная форма детского нарратива (для более старшего возраста) — это приключенческие истории для детей — источник героики и простых и мудрых ценностей: доблести, чести, смелости, верности и т.п. Именно об этой литературе писал Г.К. Честертон в знаменитом эссе «В защиту простого чтения». О ней же пел В. Высоцкий: «значит верные книжки ты в детстве читал».

Наконец третья основная форма детского нарратива — это ставший популярным в XIX–XX веке жанр ироничной, философской и драмати-

ческой репрезентации детской повседневности: рассказы и повести о жизни сверстников: начиная с «детства Тёмы», «Чука и Гека», «Тимура и его команды» до «Приключений Петрова и Васечкина».

Четвёртый важнейший элемент, конституирующий мир детства (тоже уходящий корнями в глубочайшую древность) — это мир *детской игры*. Игра — это очень серьёзная вещь, важнейшая деятельность ребёнка. Именно в игре мальчишки и девчонки осваивают будущие социальные и культурные роли: мужчин и женщин, матерей и отцов, защитников и хозяек. Игра для ребёнка — это один из главных способов освоить мир, научиться взаимодействовать с ним. Игра — это и развитие воображения, и развитие физическое, и возможность необыденных переживаний, и развитие собственно социального, и многое другое, что помогает ребёнку стать взрослым. Игнорировать игру нельзя, из неиграющих детей почти всегда получаются неполноценные взрослые.

Наконец, **пятый** фундаментальный элемент мира детства — это *детская игрушка*. Игрушка не менее важна чем игра, но при этом роль игрушки не сводится только к игре. Однако, прежде всего, с игрушками дети именно играют, поэтому во многом именно игрушки задают содержание и направленность детских игр. Помимо этого игрушка для ребёнка — наряду со сказкой важнейшая форма репрезентации повседневности, познания окружающего мира. Традиционные игрушки изображали животных (милых и симпатичных) и людей (куклы, солдатики),

предметы быта, труда и войны. Играя с ними, дети их естественным образом одушевляли и учились любить. Осваивали социальные роли и навыки: готовить, баюкать младенца, воевать. Знакомились с техникой (разнообразные машинки, паровозы, кораблики и т.п.) и бытом (посуда, кровати, домики, инструменты т.д.). Все игрушки перечислить, наверное, невозможно — мир детской игрушки также разнообразен, как мир вокруг нас.

Таково беглое и поверхностное описание основных элементов культурного мира детства: *отношения с родителями, детское целомудрие и чистота, детские сказки и повести, игры и игрушки.*

Всё сказанное достаточно банально и хорошо известно. Зачем мы об этом говорим и причём здесь молодёжная свобода и ответственность? А дело в том, что сегодня практически на наших глазах разворачивается чуть ли не первая в истории *культурная война с Детством*, война, являющаяся, наверное, главным звеном глобального вызова дегуманизации.

В последние несколько лет активно проявляет себя некая *зловещая новизна*, связанная с *аккумуляцией, синергией* процессов, казавшихся ранее никак не связанными друг с другом. Внимательный анализ ряда тенденций, проявляющихся в Европе и агрессивно переползающих к нам, позволяет говорить о том, что развязана именно *война с Детством* как таковым. Война, которая, приведёт к тотальному расчеловечиванию в случае, если она завершится победой. Одно из главных последствий этой войны

уже сейчас — это *неокриминализация и некрофилизация сознания молодёжи*. В чём же суть этой Войны? Суть в том, что все перечисленные выше базовые элементы культуры детства подвергаются целенаправленному политико-культурному воздействию, которое не просто отменяет эти элементы, но в буквальном смысле *выворачивает их наизнанку*.

Коротко рассмотрим эти процессы. Начнём с первого выделенного нами принципа — *детско-родительских отношений*. Отношения эти в Европе в течении достаточно долгого времени подвергаются систематической деструкции, прежде всего, через широкое внедрение так называемой ювенальной юстиции. Главное в ювенальных практиках — целенаправленное разрушение нормальной социальной и эмоциональной архитектуры детско-родительских отношений и замена её на нечто прямо противоположное. Во-первых, ювенальные практики приводят к отмене нормальной иерархии ребёнок-родитель, где родитель, как более опытный и мудрый обладает большими правами, чем ребёнок. А ребёнок, начиная с определённого возраста, имеет больше обязанностей, чем прав. Отношения родителей к детям в нормальной семье могут быть выражены понятием *Забота*. Отношение детей к родителям — понятием *Послушание*. И то и другое должно основываться на *Любви*. Такова нормальная культурная модель, которая, к сожалению, далеко не всегда воплощалась в реальности, но всё же задавала некий общий вектор в семейной культуре. В современной ювенальной

политике всё переворачивается с ног на голову: там говорится об *обязанностях родителей и правах детей*. Понятие «забота» незаметно меняется. Если раньше имелась в виду не только и не столько забота о содержании ребёнка, сколько забота о его воспитании. Воспитание же практически невозможно без наказания, которое наряду с лаской и уговорами есть нормальное средство формирования поведения ребёнка в соответствии с культурными нормами. Сегодня под заботой понимается почти исключительно забота о содержании ребёнка и удовлетворении его разнообразных прихотей. Отказ в удовлетворении последних может стать поводом для вмешательства ювенальных служб. Наказание же как нормальная педагогическая практика фактически отрицается, любое наказание (не обязательно физическое, но и, например, отказ удовлетворять какие-то требования ребёнка) опять-таки может привлечь внимание чиновников по делам семьи.

Второй аспект войны с детством связан с *выворачиванием наизнанку принципа целомудрия детства*. Традиционное ограждение Детства от грязи порока и насилия уступает место своей противоположности. Прежде всего, следует упомянуть так называемый «секс-просвет». Согласно Европейской конвенции о правах ребёнка *обязательное* сексуальное просвещение начинается с 6 лет. Программы сексуального просвещения введены во всех странах Евросоюза и во многих штатах США. Содержание *очень многих* из этих программ далеко от понятия

«просвещение», но гораздо ближе к понятию «развращение». Содержащаяся в них информация (в том числе наглядная) провоцирует ранее нездоровое любопытство у детей к сфере сексуальных отношений, что неизбежно вызывает задержки и деформации психического и социального развития ребёнка. Но этим дело не ограничивается. Важнейший компонент большинства программ сексуального просвещения — нормализация в детском и подростковом сознании различных видов извращённого секса. Прежде всего, того, что охватывается аббревиатурой ЛГБТ. Малышам рассказывают сказки о двух принцах (или двух принцессах), полюбивших друг друга. В публичном информационном пространстве, доступном детям и подросткам, широко представлены геи и лесбиянки, многие из которых известные и уважаемые люди — политики, звёзды шоу-бизнеса.

С другой стороны, детское целомудрие атакуется волной насилия и откровенной некрофилии. Мультфильмы и комиксы (особенно в жанре аниме) не только принесли в детское сознание разного рода патологических персонажей типа покемонов или людей-Х, но и вывело репрезентации насилия для детей на качественно новый реалистичный уровень, что естественно, имело печальные последствия. Но это, как говорится, цветочки «теленасилия». Ягодки же связаны с привлечением детей к практикам *реальной* некрофилии. Приведём два примера.

В середине октября 2015 года ряд информагенств опубликовали информацию о том, что в датском зоопарке

собрались десятки посетителей, которые пришли посмотреть на вскрытие льва. Зоопарк города Оденсе в Дании заранее разрекламировал натуралистичную акцию. Организаторы препарирования мёртвого хищника уверяли, что это необходимо в учебных целях. Среди зрителей были дети и подростки, сообщают местные СМИ. Во время публичного вскрытия животного детям показали львиное сердце, почки и печень хищника, а также объяснили, почему лев считается королём среди зверей. Зооэксперименты уже не в первый раз проходят в Дании. Ранее в зоопарке Копенгагена убили жирафа, которого затем препарировали на глазах у школьников, а его мясо скормили львам.

Какие-то особые комментарии здесь не нужны. Детей пригласили понаблюдать за расчленением животного... Ход очень тонкий и лукавый. Во-первых, легко оправдаться «научными целями». Во-вторых, этот некрофильский акт бьёт в самую точку: в европейской культуре образы животных давно и прочно вписаны в культуру детства. Сказки и мультфильмы про животных призваны их одушевить, очеловечить в детском сознании. Такие персонажи, как оленёнок Бэмби, утёнок Дональд, Волк, Медведь, Лиса, Заяц, лев (!) Симба — все они отражают настойчиво проводившуюся столетиями линию гуманизации детского сознания, воспитания в детях любви и милосердия к «братьям меньшим». Зоопарк всегда был местом любви: дети приходили к любимым животным, кормили их, наблюдали, пытаясь соединить реальные образы животных с мультяшными

и сказочными. И всё это разрушается откровенно некрофильским актом расчленения любимца. Напомню, в традиционной культуре детей учили жалеть больных щенков и котят, птичек и т.п. Здесь же учат чему-то противоположному... Имя этой противоположности — *некрофилия* — любовь к смерти. Любые отсылки к «образовательным целям» — заведомое лукавство.

Третий компонент войны с детством — исчезновение Сказки. Здесь лишь отметим, что сегодня исчезает не только Сказка, исчезает или выворачивается наизнанку детский нарратив во всех своих формах. Прежде всего, это происходит в так называемом «готическом фэнтези» — мистических сюжетах об оборотнях, вампирах, троллях, гномах и т.п., создаваемых на основе кельтской (и не только) мифологии. Нужно оговориться, что отнюдь не все сюжеты такого рода плохи и/или патологичны. Создано довольно много качественных по-настоящему сказочных произведений. В то же время темы приключений различной *нежити* — вампиров, оборотней и зомби — превращается в отдельную отрасль детско-подростковой литературы и кино. Заметим, вся эта «готическая» тематика откровенно попахивает всё той же танатофилией. В большинстве сюжетов просматривается попытка «понять и простить» (гуманизировать) «живых мертвецов», ставших героями популярных произведений. Это неизбежно опять-таки рано или поздно приводит к разрушению табу на некрофилию, провоцирует влечение к смерти, что вполне отчётливо проявляется в так называемых

депрессивных подростковых субкультурах эмо и готов, давно и справедливо обвиняемых в провоцировании суицидальных настроений в подростковой среде.

Другой популярный жанр детского нарратива — комедийные фильмы и мультфильмы. В юморе, в принципе нет ничего плохого, но нужно помнить очень важную вещь: детское сознание серьёзно, оно серьёзно относится к игре, сказке, игрушке, герою мультика и т.п. для него это такие же серьёзные вещи, как для взрослых работа и политика. Избыток юмора (особенно такого откровенно дебильного, как во многих западных мультфильмах) воспитывает несерьёзное, игровое отношение ребёнка ко многим важным аспектам жизни, репрезентируемых комедиями.

Из детского нарратива почти совсем исчезли две важные вещи: детская литература, вытесненная визуальными медиа, и серьёзные истории о нормальных героях (приключения) и сверстниках (репрезентации повседневности). Их место почти полностью занято ужасами, готикой и комедиями. Те же немногие произведения, которые претендуют на то, чтобы восполнить этот пробел, часто скатываются либо к блокбастерам-боевикам (типа «Голодных игр»), либо к откровенной депрессии и патологии (типа сериала «Школа»).

Четвёртый аспект войны с детством — это трансформации игры. Ещё недавно выражение «дети играют», например, на переменках в школе, означало реальное взаимодействие детей между собой в подвижных

либо настольных играх типа «морского боя» или «крестиков-ноликов». Любой, кто заглянет в современную школу на перемене, увидит, что ничего подобного сегодня нет. Дети играют в телефонах и планшетах. То же самое происходит после школы. Игры, как и общение с друзьями, превратились в приложение к гаджетам — смартфонам и планшетах. Игра, которая всегда требовала воображения, умения взаимодействовать, активности — всего того, что развивает ребёнка, эта игра почти полностью в прошлом. Играя с компьютерами и телефонами, дети следуют за разработчиками электронных приложений, утрачивают воображение и автономность, вовлекаются в иногда откровенно патологические игровые практики. Действительно, огромный рынок компьютерных игр, исчисляемый миллиардами долларов, заставляет разработчиков буквально «взламывать» детскую и подростковую психику, «подсаживая» пользователей на всё более изощрённые игры. Значительную часть из них составляют так называемые «стрелялки», очень реалистично имитирующие различные сцены убийства и насилия. Но дело отнюдь не в «стрелялках» как таковых. Дело в утрате воображения и самостоятельности и приобретении зависимости от внешних информационных раздражителей. Большинство детей, играющих в электронные игрушки, уже к средним классам школы начинают страдать компьютерной зависимостью (в её разнообразных формах — от игр до социальных сетей) и гаджет-зависимостью (зависимости от технических новинок).

Эта утрата воображения и самостоятельности потом обязательно скажется (и сказывается) во взрослой жизни. Мы уже получаем поколение, многие представители которого не в состоянии нормально освоить базовые социальные роли: мужчины и женщины, мужа и жены, работника и т.п. Корни этого — в детстве, лишённом полноценной игры, а значит и полноценного опыта жизни и радости.

Наконец, последний описываемый нами аспект войны с детством — *трансформация игрушки*. Эта тема не новая, поэтому скажем лишь самое главное.

В своё время много нареканий педагогов и психологов вызвала кукла Барби. Справедливо указывали, что Барби — это не классическая кукла. Она не создана для игры в «дочки-матери» и других подобных игр, формирующих ценности и опыт материнства. С Барби можно играть в шоппинг, в «тусовки» и другие потребительские практики. Однако Барби — это опять-таки цветочки. Она ведь ещё вполне человеческий персонаж. Настоящая беда — это те самые «ягодки», которые связаны с массовым вторжением в пространство игрушки персонажей пост- или античеловеческих. После Барби появились куклы Братц и Монстер Хай. Те, кто их видел, подтвердят, что они похожи скорее на инопланетян, чем на нормальных людей (непропорционально большая голова и маленькое тело). Другой пример: мальчикам стало почти невозможно купить нормальных солдатиков: рыцарей, ковбоев, индейцев, пиратов и т.п. Зато вы легко купите солдат-скелетов, солдат-монстров и прочую мерзость.

Но и это не самое плохое. Сейчас получают распространение куклы-вампиры, которые спят в кроватках-гробиках, чтобы подзарядиться. Вот это уже серьёзно, это уже прямая (снова!) некрофилия. Сопряжение темы детской игрушки смерти — это ноу-хау современных дегуманизаторов. Куклы-мертвецы, спящие в гробиках... Ещё несколько лет назад подобное могло показаться плохой фантастикой. Но дело заходит ещё дальше. Следом в детской культуре идёт слом табу не только на смерть как таковую, но и на... каннибализм. Почти в любом продовольственном магазине можно увидеть мармеладные игрушки в виде глаз и других органов тела. Продаются даже наборы из мармелада под названием «завтрак людоеда». «Да это просто шутка!» — скажет обыватель. Да — шутка. Но очень плохая и злая шутка. Детское сознание, повторим, серьёзно. Оно не знает разницы между игрой и реальность.

В общем, наш небольшой и по определению поверхностный обзор некоторых зловещих тенденций, протекающих сегодня в мире детства, позволяет, на наш взгляд, говорить именно о *войне с детством как культурным принципом*. Войне, интегрирующей в себя многие пакости, которые традиционно воспринимались как отдельные «заскоки» постмодернистской культуры. Войне, которая касается всех нас, ибо в ней наши дети рискуют пропасть так же, как и в войне обычной. Войне, которую наш долг выиграть у дегуманизаторов, иначе завтра наш мир перестанет быть человеческим. У нас ещё есть шанс...

Часть третья Война с историей

В последние десятилетия всё постсоветское пространство и школа в особенности пережила колоссальную идеологическую войну с историей, литературой и языком. Сегодня серьёзное осмысление проблем истории, литературы и языка в полном смысле вопрос национальной безопасности, вопрос более важный, нежели вопросы укрепления экономики и силовых структур. Ниже мы постараемся привести некоторые аргументы в защиту этой точки зрения.

Для чего нам нужна история? Классический и самый полный ответ на этот вопрос дали два великих мастера слова — Цицерон и А.С. Пушкин. Первый сформулировал кредо исторической прагматики: «История — учительница жизни». Человек, не знающий истории, обречён повторять ошибки прошлых поколений. Второй раскрыл основы исторической метафизики.

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
(На них основано от века,
По воле Бога Самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его).

Человек, не знающий истории, легко теряет субъектность, свои корни, своё «Я».

Сегодня на примере братской страдающей Украины мы наглядно видим к чему может привести неверно понятая и неверно интерпретированная история: она становится тараном,

разрушающим общество и государство (прежде всего, в лице *молодёжи*, воспитанной на исторических мифах). Молодёжи, повторяющей ошибки и утратившей субъектность. Разумеется, за спинами наивно-озверевшей молодёжи, бросающей «коктейли Молотова» во имя «восстановления исторической справедливости» всегда стоят совсем другие люди — взрослые, умные, холодные и злые. Но о них разговор особый, требующий другой аналитики и другого формата обсуждения.

Сейчас же нам бы хотелось поговорить скорее об ошибках понимания истории, нежели о злом умысле. *Проблемы истории тесно связаны с проблемами языка и литературы*, и в жизни — ещё сильнее, чем в школьной программе. Об этих проблемах тоже необходимо будет сказать несколько слов.

Начнём с нескольких принципиальных вопросов.

Вопрос **первый**: с каких позиций, в каком ключе, и, главное, для чего вообще нужно вспоминать исторические события *нашего* прошлого сегодня? Ключевое слово в этом вопросе — «нашего», точнее *нашего общего* прошлого. Это замечание выводит нас на ещё более общий и более глубокий вопрос: а что вообще создаёт из разных этносов с их собственной историей и культурой единый великий народ? Народ, способный из разрушенной вдрызг страны построить за два десятка лет великую индустриальную супердержаву. Способный выигрывать мировые войны и (единственный!) останавливать коричневую изуверскую чуму

фашизма. Способный в кратчайшие сроки после страшной войны, унёсшей миллионы жизней и разрушившей страну, построить лучшие в мире образование и науку, послать человека в космос, выиграть ядерную гонку не на жизнь, а на смерть с самой мощной экономикой мира, ничуть не пострадавшей в войне. Что создаёт такие народы?

Ответ прост. **Любой народ, объединяющий в себе много этносов и культур, в особенности, создают, прежде всего, две важнейшие скрепы: общий язык и общую историю.** Это историософская аксиома. И когда исторические соперники народа пытаются его уничтожить (принизить, поработить и т.п.), они всегда ведут *главную* войну не против солдат и пушек, но против языка и истории. В этой войне выигрывают и побеждают не солдаты и генералы, а учителя истории, и литературы, а также министерства образования. Начнём с истории.

Начнём с того, что История сама по себе — всегда вещь сложная и неоднозначная. Исторический процесс в каждый свой момент преисполнен великого и смешного, высокого и низкого, прозрений и заблуждений, предательства и героизма как отдельных людей, так и целых наций и государств. Проще говоря, в шкафах истории любой страны таится множество как «скелетов», так и «жемчужин». Учитывая это, во всех без исключения странах, претендующих хоть на какую-то политико-историческую самостоятельность, существуют *две версии истории* — публичная и архивная. Первая преподаётся в школах и ши-

роко представлена в публичном пространстве, вторая — объект интереса профессиональных историков. Вторая в публичное пространство почти никогда не попадает. Цель истории публичной (школьной) — научить, прежде всего, будущих граждан гордиться своей страной, ценить «жемчужины». Это формирует единую историческую память (ту самую «любовь к отеческим гробам»), объединяющую разных людей и разные национальности в единый народ. Это не значит, что школьная история не должна вообще упоминать о «скелетах» — исторических трагедиях и ошибках. Она это делает, но делает всегда очень деликатно, по-особому расставляя акценты. Например, в английских школах, когда вспоминают королеву Елизавету, современницу Иоанна Грозного, акцентируют внимание не на политике огораживаний (имевшей, по правде, форму социального геноцида) и не на поощрении государственного пиратства (самый известный пример чему — Ф. Дрейк), а на геополитических успехах королевы, её роли, как строительницы мирового могущества Великобритании. Аналогичным образом, вспоминая итоги британской колонизации, английские школьные учебники акцент делают на просветительской «миссии белого человека», воспетой Р. Киплингом, а не на фактах беззастенчивого грабежа и угнетения колоний. Точно также в американских школьных учебниках, говоря о XIX веке, вспоминают войну Севера и Юга как войну за независимость рабов (не акцентируя внимание на экономико-политической подноготной этой сложной и трагичной

войны) и почти ничего не говорят о геноциде индейцев, принявшем в этом веке поистине массовые формы, приведшие почти к полному уничтожению коренного населения. Исследования «скелетов» — удел истории архивной, очень редко выходящей в публичное пространство, что чаще всего сопровождается скандалами и общественным резонансом.

Трагедия постсоветского пространства заключается в том, что мы пережили беспрецедентную по масштабу и накалённости *войну с собственной историей*, развязанную во второй половине 1980-х — первой половине 1990-х гг. Суть этой войны, говоря образно, заключалась в широкомасштабной кампании по вытаскиванию из исторических шкафов «скелетов» и сокрытию «жемчужин». Причём «скелеты» вытаскивались не только собственные, действительно лежавшие в «шкафах», но и заботливо подброшенные туда западными «доброжелателями» или «подкрашенные» собственным истерически-интеллигентским диссидентским сообществом. Все сложные и противоречивые, трагичные и неоднозначные моменты истории (в первую очередь — советской) трактовались в обвинительном и обличительном духе. Но ведь на разрушении Священных Камней СССР дело не закончилось. Начав с обличения «исторических преступлений» И.В. Сталина и Л.П. Берию, перешли к глумлению над народными героями — Зоей Космодемьянской, Александром Матросовым, Алексеем Стахановым и т.д. Добрались потом и к досоветской

истории. Пока одни обсуждали вопрос о канонизации царской семьи, другие, вожделенно подхихикивая, обсуждали (публично!) «интригу» императрицы с Распутиным. Потом в поле такого же, низко-подхихикивающего истерично-злобногo обсуждения оказывались и Екатерина II, и Иоанн Грозный, и другие персонажи российской истории. Потом оказалась проблематизирована *русская истории вообще*. Вдруг оказалось, что мы как великий имперский народ, подаривший человечеству величайшие сокровища культуры (чего только стоят русская живопись, русская музыка, русский балет, во главе с великой русской литературой, русская наука и инженерия), народ, жертвенно остановивший фашизм — это какие-то исторические выродки, заслуживающие лишь одного — учиться у «цивилизованного» (западного) мира. В результате этой войны с историей у всего великого русского народа (как в его целом, так и в отдельных национальностях) сформировались и проявились все симптомы *культурно-исторической шизофрении*. Сгущаем краски? Но откуда тогда взялась страшная, глупая и пошлая фраза, гулявшая по нашей стране в 1990-е. Фраза, пугающая своей низостью и скотством, фразу, которую почти невозможно было бы представить в стране, положившей на алтарь Победы миллионы жизней, если бы её действительно не произносили тогда часто. Фраза «Да лучше бы нас в 1945-м году немцы завоевали: мы бы сейчас все баночное пиво пили!». Её повторяли часто и многократно, при чём не с экранов

телевизоров, а в транспорте и на кухнях. Произошло самое страшное, что могло произойти. Народ, утративший благоговение к «отеческим гробам» начал на этих гробах плясать. Плясать безумно и жалко, на радость своим историческим и геополитическим противникам.

Сегодня становится очевидным, что если мы хотим вернуться к корням, вновь обрести утраченное «самостоянье» как историческую идентичность, нам нужна *иная модель публичной (школьной) истории*. Модель с акцентом на общей истории Великой страны, истории примиряющей разные периоды нашей истории. Истории, основанной на бесценных жемчужинах, а не на «скелетах», истории, воспитывающей любящих и гордящихся своей страной граждан, а не цивилизационных вырожденков, страдающих комплексом исторической неполноценности. Именно об это говорил в своих выступлениях в последние годы наш Патриарх.

Часть четвёртая Война с русской словесностью

Вторая важная скрепа, объединяющая нации и народности в один большой народ, — это, как уже говорилось, язык. Язык любого народа в его литературе. В виду сложности и обширности этой темы скажем лишь самое главное. Людям, составляющим народ, важно не просто изъясняться так, чтобы понимать друг друга, им нужно нечто большее. Это большее — единство образов, метафор и выра-

жаемых ими смыслов и ценностей, единство понимания сути и назначения человека и предельных вопросов человеческого бытия, единство примеров и героев, на которых можно воспитывать детей и объяснять им сложность и противоречивость жизни. Всё это даёт народу его литература, несущая и сохраняющая его язык — хранилище смыслов и образов. Для нашего великого народа таким хранилищем, безусловно, есть *язык Великой русской литературы*, представляющей собой одну из величайших (если не самую великую) вершин мирового литературного смыслотворчества. Однако неправильно, как это иногда делается, сводить великую русскую литературу к её «золотому веку» — уникальным по своей глубине и выразительности творениям Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова и других классиков. Это, вне всякого сомнения, ядро нашей литературы, но *вся* она намного шире. Величие русской литературы в том, что она смогла вобрать в себя гениальных представителей *всех* народов большой России, и никогда не пыталась быть «этнически чистой». Наша великая литература всегда была интернациональной. Наиболее ярко это проявилось, конечно, в советский период. Наряду с Горьким, Шолоховым и Шукшиным в русскую литературу на равных вошли и пламенные кавказские рифмы Расула Гамзатова, и пронзительная проза Чингиза Айтматова, и сочная и реалистичная проза адыга Тембота Керашева и украинца Павла Загребельного, и глубокая поэзия казаха Сакена Сейфуллина и огромное

количество других произведений, этнически самых разных писателей, поэтов и драматургов. И в этом смысле русский язык, язык большой русской литературы — поистине язык интернациональный, вобравший в себя правду всех без исключения народов и этносов нашего общего дома — Государства Российского. Русский язык помог им выразить эту правду и мудрость.

Но нужно понимать и то, что русский язык, язык русской литературы тоже стал объектом войны. И последствия войны с языком нам нужно изживать не менее яростно, чем последствия войны с историей, если мы хотим сохраниться как целое, как народ, имеющий общие смыслы и ценности. Ведь именно язык — их хранитель.

Русский язык пережил в последние 20–25 лет как минимум *пять* (!) мощнейших и сокрушительных **интервенций**.

Первая из них — это **интервенция криминального сленга** (по-научному «арго», в просторечии — «феня»), захлестнувшего страну в конце 80-х — начале 90-х. На «фене» заговорили вдруг все — студенты и преподаватели, киногерои и ведущие телепрограмм, политики и философы. Слова «кинуть», «замочить», «забить стрелку», «беспредел», «лох» и т.д. и т.п. стали обыденной частью нашего языка. Это очень небезобидная вещь, связанная с проникновением в массовое сознание (вместе с языком) элементов криминальной психологии и идеологии. Возникла мода на криминальную романтику, в значительной мере институализированная кинематографом и другими массмедиа. Соответственно не приходится удивляться кратному

увеличению масштабов преступности в постсоветской России. Параллельно с распространением «фени» происходило интенсивное растабуирование мата, вдруг ставшего языком не только алкоголиков и бомжей, но и вполне приличных парней-студентов и милых девушек-школьниц.

Вместе с языком криминальной подворотни в нашу повседневность вошли несомые этим языком смыслы — «блатная» идеология — «понятия». Суть этой идеологии часто замыливается в сознании обывателя слезливо-мелодраматичным, нагло присвоившим себе высокое название «шансон», криминальным фольклором (типа «Голуби летят над нашей зоной»). Суть эта проста — это идеология социальных хищников, безжалостных к слабым, идеология превосходства «право имеющих» над «тварями дрожащими» (в криминальном варианте — «лохами»). Идеология эта проникла повсеместно: и в нормы ведения бизнеса, и в отношения с коллегами по работе, и подростковые компании, и даже — в отношения мужчин и женщин. «Развести» и «кинуть» — стали не просто экзотическими словами, а вполне реальными аспектами повседневных взаимоотношений соседей, коллег и однокурсников, а песня «Гоп-стоп» зазвучала со сцены Кремлёвского Дворца.

Вторая травмирующая язык **интервенция** — это **интервенция англицизмов**, хлынувших в нашу повседневность вместе с перестройкой и «феней». «Маркетинг», «менеджмент», «контроллинг», «аутсорсинг», «логистика», «лизинг» и т.п. — стали словами-метками,

отделяющими «продвинутых» от «отсталых». В школах тьюторов, аниматоров, модераторов, фасилитаторов, волонтеров и омбудсменов стало чуть ли не больше, чем учителей и воспитателей. Заимствуя и активно используя весь этот англоязычный бизнес-сленг, мы все признаём одно печальное обстоятельство — русский язык перестаёт быть языком современности. Показательно, что на Первом съезде Общества русской словесности 16 мая 2016 года его председатель патриарх Кирилл задал вопрос: «Почему латинское слово «тенденция» заменили английским «тренд»? Показать образованность, что ли? Для меня это очень плохой признак».

Третья интервенция была, на наш взгляд, хуже двух предыдущих. Речь идёт об *интернет-сленге*, буквально взорвавшем русский язык упрощениями, коверканиями и сокращениями как в письменной, так и в устной речи типа «Чел, кинь инфу в личку!». И если лет десять-пятнадцать назад учителя охали по поводу того, что подростки перешли на междометия, то сегодня междометия заменены чем-то ещё более отвратительным.

Четвёртая интервенция связана с повсеместной *аббревиацией* всего и вся. Аббревиатуры послереволюционной эпохи столетней давности, по поводу которых сокрушался Константин Бальмонт («Россия превратилась в РСФСР, а потом обернулась в СССР, где, протестуяще манифестируя триумф коммунистической идеи и манифестацией пропагандно гипнотизируя весь комплекс цивилизации, солидаризируются ВЦИК, ЧК, Сора-

бис, Рабфаки, Центрогук и Комсомол») оказались бледными цветочками в сравнении с сегодняшними неприличностями. В наибольшей степени это почему-то ударило по системе образования. Воспитатели и педагоги дополнительного образования уже ходили на работу в МУДО⁶. Потом детские сады переименовали в МДОУ⁷, а центры детского творчества в МУДОД⁸. Учителя теперь ходят на работу в МОУ-СОШ⁹, где две буквы «О» обозначают по чьему-то недогляду одно и то же. Управленцы ходят на работу в УОМО¹⁰, где две буквы «О» обозначают совсем разное, хоть и соответствуют одному слову (у филологов называется омонимом). Высший пилотаж аббревиации в образовании — это МУДОФОН (муниципальное учреждение дополнительного образования физкультурно-оздоровительной направленности). Например, МУДОФОН «Центр спорта для детей и юношества» или МУДОФОН «Центр массового спорта».

Результатом этих четырёх интервенций, произошедших почти синхронно стала резкая примитивизация выразительных средств актуального языка, прежде всего, языка молодежи, всё более напоминающего язык Элочки-людоедки, обогащённый матом и бизнес-терминами.

⁶ МУДО — муниципальное учреждение дошкольного образования, муниципальное учреждение дополнительного образования.

⁷ МДОУ — муниципальное дошкольное образовательное учреждение.

⁸ МУДОД — муниципальное учреждение дошкольного образования детей.

⁹ МОУСОШ — муниципальное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа.

¹⁰ УОМО — управление образования муниципального образования.

Часть пятая Что делать?

Встаёт вопрос: что делать? Ответ прост и сложен одновременно, какими всегда бывают ответы на простые и глубокие вопросы. Просто нужно нам всем вместе реанимировать глубоко травмированные за последние три десятилетия историю и язык. Преодолеть последствия той страшной войны с историей и языком, которая велась и продолжает вестись до сих пор. Война, которую наиболее ярко стало видно в отблесках «коктейлей Молотова», взрывающихся на братской Украине, но отнюдь не исчерпываемая этими взрывами, а имеющая множество куда более тонких и опасных форм.

И совершенно очевидно, что эта война, которую выигрывает и проигрывает школьный учитель истории, литературы и русского языка. И совершенно очевидно, что эту войну он не сможет выиграть сам по себе. Ему нужно адекватное командование (руководители образования), нужны карты и боеприпасы (учебные планы и учебники), и самое главное, что нужно в любой войне, — народная любовь и поддержка.

В свете сказанного встаёт вопрос о роли структур образовательной политики в решении задач восстановления культурного (литературного) и исторического самосознания молодёжи. Конкретные формы такой работы должны уточняться отдельно, скажем лишь о некоторых самоочевидных общих принципах.

Во-первых, нужно перестать «говорить с молодёжью на её языке», что

часто принимает формы заигрывания с молодёжными субкультурами (использование сленговых словечек и выражений, соответствующих смыслов), с молодёжью нужно разговаривать на языке серьёзном, искреннем и по возможности классическом.

Во-вторых, по возможности превращать проводимые с молодёжью мероприятия в *со-бытия* — в совместное переживание важных вещей и смыслов, требующее серьёзности, искренности и глубокого погружения.

В-третьих, максимально пропагандировать интерес к истории и литературе, в том числе в условиях лагерей, летнего и каникулярного отдыха. Подобная работа, если её вести всерьёз, потребует нестандартных ходов и педагогических решений, разработки специальных акций и форм привлечения молодёжи (конкурсы, игры и другие формы).

В-четвёртых, наряду с учащейся молодёжью, выходить на молодёжь рабочую, из вузов идти к учащимся ПТУ и профессиональных лицеев.

И последнее. Главным принципом в работе с молодёжью должна быть искренность, умноженная на любовь.

Будущее у России и мира есть только том случае, если мир прислушается к вести о **смысле** и **милосердии**. А чтобы это произошло нам нужно вновь открыть эту весть миру. И заявить о ней очень громко. Это непросто, почти невозможно в нынешних политических и культурных обстоятельствах. *Для этого нужно примирить правых и левых, белых и красных.* Для этого нужно нам всем вспомнить о своих культурных корнях, вспомнить,

что не «хлебом единым», Для этого необходимо перед нашими детьми рядом поставить образцы и примеры христианской святости и образцы и примеры советского героизма и подвижничества: *образы стойкости и мужественности* святого Георгия Победоносца и Алексея Маресьева, *образы жертвенности и мученичества* святого Димитрия Солунского и генерала Карбышева, святых Веры, Надежды, Любви и героев Краснодона, *образы служения Отечеству* благоверного князя Александра Невского и маршала Г.К. Жукова, благоверного великого князя Димитрия Донского и Павки Корчагина, *образы самоотдачи и милосердия* великой княгини Елизаветы Фёдоровны, святителя Луки (Войно-Ясенецкого) и медицинских сестёр Великой Отечественной, *образы тех, кто достиг высот в просвещении*, равноапостольного Николая Японского и А.С. Макаренко.

Для этого нужно очень многое, чего сегодня нет. Сумеем ли мы все сообще это создать и возвестить эту *новую весть*? Вот тот вопрос, который определяет то, кем будут наши дети и внуки: подёнными рабочими на американских или китайских заводах (если повезёт) и обитателями социального дна (если не очень повезёт) или свободны-

ми учёными, инженерами и поэтами свободной и великой страны. Выбор за нами.

Ещё раз прислушаемся к словам Патриарха: «Сегодня нередко слышатся голоса, призывающие принять как некий эталон какой-либо один период нашей истории, одновременно принижая, умаляя и всячески критикуя значение других периодов. Кто-то идеализирует дореволюционное прошлое, не видя в советской эпохе ничего кроме гонений на Церковь и политических репрессий. Другие утверждают, что именно советский период был нашим золотым веком, за пределами которого — лишь социальное неравенство, коррупция и технологическая отсталость.

На самом деле описание прошлого России требует сложной, многоцветной палитры. Чёрно-белой схемы здесь явно недостаточно. Более того, упрощения создают искажённую и разорванную картину истории, распадающейся на отдельные куски, подобно разбитому зеркалу. Нельзя повторять ошибки тех, кто по меткому выражению Александра Зиновьева, *целился в коммунизм, а попал в Россию»*¹¹.

¹¹ Выступление Патриарха Кирилла на открытии 18 Всемирного Русского народного собора 14 ноября 2014 года.